

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.В. МЕЙЕНА

Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость.

Л.Н. Толстой

<...> Человек не может всю жизнь быть здоров и весел, его всегда ожидают потери, он не может уберечься от смерти <...>, и надо быть ко всему готовым <...>, надо только, по мере сил, исполнять свой долг, и больше ничего.

А.П. Чехов

Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тьме бесславия кончают долгий век!
Добротами всходить на верьх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.

М.В. Ломоносов

От редакции

Настоящий номер посвящен выдающемуся российскому ученому – палеоботанику, эволюционисту, мыслителю – Сергею Викторовичу Мейену (1935–1987). Вехи его творческой биографии отражены во многих работах¹.

Расцвет научной деятельности Сергея Викторовича пришелся на конец 1960-х – начало 1980-х годов – эпоху величия и начала заката «советской империи». Это позволило ему быстро занять стабильное, привилегированное положение в науке, обрести материальный достаток и государственную поддержку своих исследований. Человек науки, Сергей Викторович жил интересами своего дела и связанных с ним людей, не забывая о заповеди своего учителя в палеоботанике М.Ф. Нейбург (1894–1962): «Жизнь – борьба. Мы должны бороться за право работать». Впрочем, борьбы он старался избегать. Натуре Сергея Викторовича ближе была другая максима, сформулированная его учителем в теории биологии – А.А. Любищевым (1890–1972): «Люди лучшие убежденных». Подобно герою Ф.М. Достоевского, Сергей Викторович проповедовал истину, в основе которой не лежало бы страдание человека. Ни одна истина, говорил он, не стоит унижения личности. Истина не рождается в жарких научных баталиях, среди боевых кличей и стонов поверженных, она – сокровенное дитя интуиции, соинтуиции и рефлексии. Ученый-творец подобен художнику, создающему картины, которые по достоинству могут оценить лишь немногочисленные коллеги по науке.

Добросовестность, трудолюбие, тщательность и вдумчивость исследования, поставленного выше частных интересов, рассматривались Сергеем Викторовичем как нравственный долг ученого.

Скрытый диссидент, стремившийся в то же время занять место в академическом истеблишменте, С.В. Мейен, как личность и исследователь, был ориентирован на современный ему Запад. Западная наука и ее представители были для него мерилом профессионализма и образцом для подражания.

Во многом благодаря С.В. Мейену советская палеоботаника палеозоя восприняла результаты технической революции в этой области, произошедшей на Западе в 1930–1960-е годы. В ряде блестящих работ Сергей Викторович вывел отечественную палеоботанику палеозоя на уровень лучших современных ему исследований, а по некоторым направлениям, таким как палеофитогеография, далеко превзошел его.

Высокоинтеллектуальный, харизматичный, наделенный силой убеждения, для многих коллег соотечественников он почти четверть века был олицетворением высшего палеоботанического профессионализма. Его работы служили и остаются образцом палеоботанических исследований.

Обладая высоким нравственным авторитетом, Сергей Викторович немало потрудился над налаживанием и поддержанием добрых отношений между отечественными специалистами, будучи и здесь примером для подражания.

Как палеоботаник-морфолог и систематик, Сергей Викторович следовал канону, который называл «стилем Гарриса», в честь известного английского палеоботаника. Т.М. Гаррис (Т.М. Harris, 1903–1983), писал Сергей Викторович, «не сделал великих палеоботанических открытий», но «можно без преувели-

¹ Гоманьков А.В. Биографический очерк // С.В. Мейен. Введение в теорию стратиграфии. – М.: Наука, 1989. – С. 13–20; Игнатъев И.А. С.В. Мейен: штрихи к портрету // In memoriam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. – М.: ГЕОС, 2007. – С. 9–49; Игнатъев И.А., Мосейчик Ю.В. Творческая случайность: эволюционная концепция С.В. Мейена // Там же. – С. 103–155; и др.

чения утверждать, что появление работ Гарриса ознаменовало новый этап в палеоботанике. И дело не в том, что он ввел в палеоботанику какие-либо хитроумные методы, а в том, что из материала, выбранного для исследования, он извлекал все что можно»². В духе английской научно-философской традиции, стиль работ Т.М. Гарриса был подчеркнута эмпирическим. Умозрение, цепочки логических выводов, широкие обобщения находились под гносеологическим подозрением. Основная роль отводилась точным фактам и зоравому смыслу. «Гаррис, – писал С.В. Мейен, – никогда не принимался за обобщения в планетарном масштабе. Может быть, это было связано с тем, что он, как никто другой, знал цену фактам, которые всем казались неоспоримыми. Работая над флорой, до этого считавшейся вполне прилично изученной, он всегда вскрывал массу ошибок и заблуждений, в основе которых лежала поверхностность и небрежность исследователей. Но Гаррис никогда не был только коллекционером фактов и строгим профессиональным ревизором. Ведь разгаданная природа доселе неизвестного или непонятного ископаемого растения – это не голый факт, а уже готовое обобщение и необходимый исходный материал для качественной реконструкции растительного царства геологического прошлого»³.

В то же время, обладая философским складом ума и будучи прирожденным рационалистом, Сергей Викторович органически не мог оставаться в рамках узкого эмпиризма. Разум влек его высь и высь, к первоосновам бытия. Он был крупнейшим палеоботаником-теоретиком, и не только своего времени. В истории палеоботаники был лишь один подобный Сергею Викторовичу ученый-мыслитель – великий Анри Потонье (H. Potonié, 1857–1913), который также мог создавать выдающиеся труды не только по ископаемым растениям и теории морфологии растений, но и в области философии.

В начале 1980-х Сергей Викторович создал труды, способные оказать влияние на ход развития всей палеоботаники. Его коллеги на Западе, по выражению некоторых из них, были «шокированы» эрудицией и интеллектуальной мощью его работ по систематике и филогении голосеменных, теоретическим проблемам палеоботаники.

Как эволюционист, С.В. Мейен до начала 1980-х развивал идеи, близкие к номогенезу, которые, вслед за А.А. Любицевым, называл номотетической теорией эволюции и номотетической морфологией растений. В 1970-е годы, после кончины А.А. Любицева и О.Г. Шиндевольфа (O.H. Schindewolf, 1896–1971) он был, пожалуй, крупнейшим эволюционистом недарвиновского толка не только в СССР, но и в мире.

С.В. Мейен внес свой вклад в теорию познания, заложив основы мерономии – учения о выявлении структуры, внутреннего функционирования и внешних отношений природных объектов.

Подобно многим выдающимся людям, Сергей Викторович ушел из жизни рано – ему не исполнилось и 51 года. Сказались постоянные перегрузки, стрессы (а он был чувствительным, незащищенным человеком), происки завистников-недоброжелателей. Последние преследовали его и после кончины, но иным способом: цинично объявляясь его учениками, пытались греться в лучах его популярности и авторитета.

Ранняя смерть классика горька и задевает чувство справедливости: ведь целый сонм посредственностей, не говоря о худших, благоденствуют, а праведник, вот, ушел. Но позволительно, однако, спросить: уступая этому чувству, не вмешиваемся ли мы дерзко в «суды божьи» – кому и когда уходить? К тому же судьба долгожителей от науки, пораженных «синдромом Агасфера», – живущих так, будто время над ними не властно, – обычно кончается в потемках недостойной старости:

*Перескажу я стон напрасный:
«Ах, старость, старость! Рок ужасный,
Зачем ты рано так настиг?
И почему рукою властной
Жизнь не прервал мне в тот же миг?»⁴*

Так не счастливей ли судьба С.В. Мейена, прожившего жизнь короткую, но полную творчества и свершений?

* * *

Ниже публикуется хроника научной деятельности ученого, составленная по сохранившимся в его архиве ежегодным научным отчетам. Она заканчивается 1985-м годом – последним годом активной научной деятельности Сергея Викторовича. В следующем году стремительно терявший силы, придавленный административными заботами (в мае он принял заведование лабораторией палеофлористики Геологического института АН СССР), он мог лишь развивать высказанные ранее идеи, откликаясь на начинавшиеся процессы перестройки в науке и обществе [329, 333].

К хронике приложен полный список опубликованных работ С.В. Мейена. Цифры в квадратных скобках в настоящем введении и в хронике соответствуют номерам работ в списке.

² Мейен С.В. Из истории растительных династий. – М.: Наука, 1971. – С. 154.

³ Там же. – С. 157–158.

⁴ Вийон Ф. Старухе, сожалеющей о поре своей юности // Франсуа Вийон в переводе Юрия Кожевникова. – М.: Русслит, 1995. – С. 129.